

И еще расширимъ, братіе, свое сердце, дадимъ мѣсто моленію и о той великой семьѣ, изъ нѣдръ которой исходятъ такіе кормчіе Церкви Христовой, великой семьѣ—святорусской землѣ! Будемъ молить Господа, да не оскудѣетъ она—сильная св. вѣрой Христовой—и впредь во благо народа подобными духовными вождями, и да пребудетъ велика богатствомъ духа и славна красотой вѣры во вѣки вѣковъ!

Свящ. *Павелъ Руфимскій.*

◆◆◆◆◆
† **Священникъ А. И. Березинъ.**¹⁾

(1854—1908).

Некрологъ.

Отпѣваніе праха о. Аѳиногена было назначено на 8 октября. Со дня смерти шли почти постоянныя панихиды по усопшемъ, совершаемыя тѣмъ или другимъ изъ Казанскихъ пастырей, а въ промежуточное время оо. діаконы читали св. Евангеліе. Наканунѣ погребенія о. кафедральнымъ протоіереемъ А. П. Яблоковымъ соборно по парастасу было совершено всенощное бдѣніе, послѣ котораго о. ключарь собора П. А. Рождественскій совершилъ панихиду.

Утромъ 8 октября въ 8¹/₂ ч. утра былъ совершенъ выносъ тѣла въ кафедральный соборъ. Гробъ несли священники, а крышку гроба съ возложеннымъ вѣнкомъ—пѣвчіе архіерейскаго хора. Впереди шествовали соборные хоругвеносцы съ иконами и хоругвями, а за ними мальчики—пѣвчіе несли возложенные на гробъ о. Аѳиногена вѣнки. Всѣхъ вѣнковъ было возложено четыре.

Предъ входомъ въ соборъ торжественная процессія была встрѣчена Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Михаиломъ, который и совершилъ Божественную литургію въ сослуженіи о. кафедральнаго протоіеря, ис. об. благочиннаго Н. С. Воскресенскаго, земляка покойнаго—свящ. Сокольскаго и соборнаго священника о. С. Багина. За литургіей архіерейскій хоръ пѣлъ любимые мотивы своего батюшки-регента, что произвело сильное впечатлѣніе на молящихся.

---

1) Окончаніе. См. № 43.

Вмѣсто причастнаго стиха о. ключарь собора произнесъ глубоко-прочувствованное поученіе на текстъ погребальнаго пѣснопѣнія: „*придите, последнее изъловіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога: сей-бо оскудѣ отъ родства своего, и ко гробу тицится, не ктому некійся о суетахъ и о много-страстной плоти. Гдѣ нынѣ сродницы-же и друзи? Се разлучаемся*“....

«Да, братіе, приблизительно такъ говорилъ проповѣдникъ, оконченъ путь о. Аоиногена, свечерялъ день жизни страдальца, и тихо, какъ вечерняя зарница, погасъ онъ. Теперь онъ возвращается къ Домовладыкѣ, чтобы принять отъ Него заслуженную мзду. Въ послѣдній разъ, дорогой нашъ сослуживецъ, явился ты среди насъ здѣсь въ этомъ соборномъ храмѣ, гдѣ мы «многожды бы вкупѣ сндохомся и въ дому Божіи вкупѣ пояхомъ». А теперь уста твои сомкнулись, языкъ связанъ, ты спишь непробуднымъ сномъ. Не можемъ не скорбѣть мы, брате, при видѣ твоего гроба, въ которомъ почиваютъ твои бранные останки; да и какъ не скорбѣть, какъ не плакать всѣмъ, знавшимъ тебя! Какъ не скорбѣть женѣ, лишившейся мужа, со стороны котораго она встрѣчала привѣтъ и поддержку? Какъ не скорбѣть дѣтямъ при видѣ мертваго и бездыханнаго отца, который ихъ такъ любилъ, что не щадилъ силъ своихъ? Какъ не скорбѣть и намъ, его сослуживцамъ, лишившимся добраго, доброжелательнаго и отзывчиваго собрата?

Но... на все воля Божія! Не будемъ скорбѣть, возлюбленные, якоже и прочіи, не имущи упованія. Вѣдь мы знаемъ, что нѣкогда мертвыи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавши оживутъ (Іоан. 5, 25). Значить, придетъ часъ, и безсмертный духъ, по волѣ премудраго и всеблагаго Бога, снова оживотворитъ тѣло, по уже негнѣное, и мы, такимъ образомъ, разлучаемся съ почившимъ лишь временно—до всеобщаго воскресенія. Какимъ великимъ утѣшеніемъ можетъ служить то обстоятельство, что почившій собратъ нашъ, какъ истинный пастырь и служитель Христовъ, былъ исполненъ глубокой вѣры и благочестія. Доброе нравственное направленіе, полученное имъ въ семьѣ и школѣ, поддерживало его во все время его нелегкой служебной дѣятельности. Начавъ свою службу въ скромной должности сельскаго пеаломщика, затѣмъ городского при Симбирскомъ соборѣ, о. Аоиногенъ достигъ почетнаго мѣста священника городской тюремной церкви, а въ послѣд-

нѣ годы онъ былъ уже священникомъ здѣсь, въ Казани, въ этомъ соборномъ храмѣ Богоматери и регентомъ архіерейскаго хора. Много было у него заботъ и трудовъ, что понимаютъ всѣ, хотя немного знакомые съ отвѣтственною обязанностию пастыря и регента. Постоянное волненіе, непрерывный трудъ въ послѣднее время видимо дѣйствовали на него, и онъ началъ замѣтно хирѣть. Скрытая болѣзнь медленно, но вѣрно дѣлала свое ужасное дѣло, и въ маѣ мѣсяцѣ текущаго года онъ слегъ. Прежде чѣмъ перейти въ вѣчный покой, усопшій нашъ собратъ долженъ былъ перенести тяжелую, пятимѣсячную болѣзнь. . . . А мы знаемъ, что во время такихъ продолжительныхъ болѣзней какъ бы раскаленнымъ желѣзомъ выжигается въ душѣ человѣка все нечистое, и мощная десница Небеснаго Отца въ самое нужное время подкрѣпляетъ больного Своею всесильною благодатію. Значить, мы можемъ утѣшиться тѣмъ сознаніемъ, что почившій достойно притотвился къ смерти и отъ земной юдоли плача перешелъ въ горнія обители Отца Небеснаго.

Для своего-же нравственнаго назиданія мы можемъ почерпнуть изъ обстоятельствъ кончины почившаго пастыря прежде всего урокъ терпѣливаго и благодушнаго перенесенія страданій въ томъ сознаніи, что посылаемыя Богомъ страданія направлены для нашего же спасенія. При постоянномъ земномъ благополучіи, по немощи нашей, мы часто прилѣпляемся сердцемъ къ земнымъ благамъ, заботимся о томъ, чтобы устроить земное счастье, а забываемъ о томъ, что мы гости на землѣ, что у насъ есть небесная отчизна, что не имѣемъ мы здѣ пребывающаго града, но грядущаго възыскуемъ. Страданіе же очищаетъ, направляетъ и обновляетъ человѣка. . . .

Съ миромъ въ душѣ, въ полномъ сознаніи, соединившись со Христомъ, тихо и покойно закончилъ свою жизнь почившій пастырь и переселился въ горній міръ. Теперь онъ нуждается въ одномъ лишь, чтобы мы молились за него. Молись-же отъ всей души и со всѣмъ упованіемъ вѣры о почившемъ, осиротѣлая семья! Молитва—это прекрасное и живое средство общенія съ нимъ, потому-что онъ на время оставилъ насъ. А молясь, предайтесь волѣ Божіей, и Господь не оставитъ васъ безъ призрѣнія, Самъ пропитаетъ васъ и будетъ руководить васъ въ жизни. . . . Молитесь и вы, возлюбленные братія и сестры, да упокоитъ Господь душу но-

вопреставленнаго раба Своего іерея Аѣиногена, идѣже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе... Блаженъ путь, въ онѣже идиши днесь, душе, яко уготовася тебѣ мѣсто упокоенія!»

Самый чинъ отпѣванія былъ совершенъ Преосвященными Епископами Михаиломъ и Андреемъ въ сослуженіи соборнаго и городского духовенства. Предъ началомъ отпѣванія свящ. Сокольскій произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Наконецъ-то ты обрѣлъ себѣ тихую пристань, болѣзненный, страдающій, истомившійся, достоуважаемъ брате Аѣиногене! Твоя жизнь была поистинѣ многострадальнымъ подвигомъ. Не радостью и счастьемъ дарила она тебя, а именно страданіями, огорченіями, болѣзнями. Такъ и прошелъ ты свое жизненное поприще среди колючихъ терній, болѣзненно-остро впивавшихся въ твое дѣтски-чистое, женски-нѣжное сердце!

Съ самаго начала неласково отнеслась къ тебѣ наша общая родина. Упорнымъ, тяжелымъ трудомъ, трудомъ, часто подвергавшимъ тебя сильному переутомленію, ты пробивалъ себѣ дорогу къ тому завѣтному идеалу, какой построилъ себѣ, еще будучи семинаристомъ. Постоянно ты думалъ одну неотвязную думу, работая надъ своимъ самообразованіемъ, пока, наконецъ, не достигъ того, что Святитель церкви Симбирской принялъ тебя въ число городскихъ пастырей. Теперь раскрылась предъ тобою широкая перспектива, и ты съ удивительной ревностью, съ пламеннымъ жаромъ отдался чарующему міру торжественныхъ звуковъ чудныхъ церковныхъ пѣсноуѣнній съ ихъ волнующими душу мелодіями. Узнали тебя... Оцѣнили... Тебѣ не разъ поручали ответственное дѣло веденія пѣвческихъ курсовъ и въ Симбирскѣ, и въ Сызрани, и въ Алатырѣ. Тебѣ вѣрили музыкально-пѣвческое развитіе дочерей духовенства. Не мнѣ цѣнить твои труды... Ихъ оцѣнили и епархіальная власть, выражая свою благодарность, и твои ученики и ученицы, поднеся св. икону Спасителя и другіе цѣнные дары. Но, къ чести твоей, нельзя не отмѣтить того отраднаго факта, факта, ярко рисующаго твою свѣтлую личность, что ты, пребывая въ мірѣ звуковъ, не забывалъ своихъ прямыхъ пастырскихъ обязанностей. Трудная задача выпала тебѣ на долю... Ты имѣлъ дѣло съ «несчастливыми». Озлобленныя сердца ихъ, въ большинствѣ—низкое развитіе, самая тюремная среда—все это не разъ доставляло тебѣ такое сильное пораженіе твоей чуткой, многолюбящей и отзывчивой на все

доброе душѣ, что, добросовѣстно и честно исполняя свой долгъ, ты, по человѣческой немощи, сталъ подумывать о переходѣ на иное мѣсто, гдѣ хотя нѣсколько отдохнуло бы больное, настрадавшееся сердце. Только тогда, брате, поняли тебя арестантики, когда ты прощался съ ними. Заплакали, какъ малыя дѣти, они, плакало твое измученное сердце, плакало кровавыми слезами... Но воля Божія уже совершилась.

Богъ видѣлъ твое хожденіе предъ Нимъ, твое глубокое смиреніе, безпредѣльную вѣру и всемогущею рукою Своею направилъ поинному теченіе всей твоей дальнѣйшей жизни. Житейское море прибило твою ладью къ Казанскому краю, а Промыслъ Божій поставилъ тебя во главѣ любимаго тобою дѣла въ семъ соборномъ храмѣ Богоматери.... Трудно тебѣ было.... По временамъ чрезвычайно трудно отъ неблагоприятно слагавшихся для тебя жизненныхъ обстоятельствъ. Иногда искалъ ты нравственной поддержки у своихъ земляковъ, изливая предъ ними свою печаль-тоску. Но это бывало чрезвычайно рѣдко. Своей крѣпкой увѣренностью, что все видитъ Богъ, что Онъ все знаетъ, что твоя дѣло—не только дѣло твоей личности, а дѣло Божіе, ты развилъ въ себѣ необычайное христіанское терпѣніе, такое терпѣніе, которому удивлялись всѣ, знавшіе тебя....

И наступило для тебя, повидимому, счастливое время. Ты сталъ на твердой почвѣ. Новыя и новыя обязанности налагали на тебя и по духовно-учебной и по епархіальной службѣ. Тобою любовались.... Тебя благодарили... Тебя поняли и здѣсь, а понявши, оцѣнили... Дѣтскія души, съ которыми ты ангельски славилъ Вседержителя Бога, рвались къ твоей чистой душѣ и своею любовью вливали въ тебя новыя и новыя силы.... Да... силы-то твои были уже не тѣ, что прежде, надломленные, не молодыя. Неминуемо должны были отразиться и всѣ жизненные невзгоды.... И все совершилось такъ быстро, такъ неожиданно.... Страшная, неизлѣчимая болѣзнь, предъ которой, недоумѣвая, отступило научное познаніе человѣка, схватила тебя въ свои цѣпки объятія и, какъ желанную жертву, впродолженіи цѣлыхъ 4½ мѣсяцевъ не выпускала ни на минуту. Страдалъ ты... больно и тяжело страдалъ. Страдалъ и отъ физической трудной боли, страдалъ отъ яснаго сознанія беспросвѣтной необходимости, страдалъ страданіями семьи своей, сознававшей роковую неизбежность твоей смерти. Больше

всего, знаю я и свидѣтельствую это, мучился ты—кто-то служить за тебя? какъ идетъ любимое твое дѣло? Безпокоился... Увеличивалъ и безъ того тяготу своей болѣзни... Но... иначе... поступать ты не могъ... ты былъ добрый пастырь и честный человѣкъ!

Господь испыталъ твою вѣру до конца, исчерпалъ твое обыкновенное терпѣніе. Какъ праведникъ, ты «не далъ безумія Богу». И умеръ ты... Перестало биться твое любящее, многострадальное сердце! Закрылись твои ясные очи! Не стало слышно твоего голоса! Тихо и спокойно совершилъ ты свое высокое призваніе; также тихо и спокойно почиваешь теперь во гробѣ, прося лишь объ одномъ: «братіе мои возлюбленніи, не забывайте мя; когда поете Господа, то поминайте и братство, и молитте Господа, да упокоитъ мя съ праведными Господь», потому-что «никтоже самъ себя помощи можетъ, развѣ благая дѣла и общая вѣрныхъ молитва».

Вѣруемъ и исповѣдуемъ, достоуважаемъ брате, что ты переселился въ горнія обители Отца небеснаго, гдѣ славишь зъ небожителями Верховнаго Пастыреначальника. Знаемъ и то, что братство всегда будетъ поминать тебя въ своихъ святыхъ молитвахъ. А добрыя дѣла ты явилъ въ своей многотрудной жизни!

Спи-же, родной, сномъ мирнымъ и безмятежнымъ. Да будетъ легка тебѣ мать-сыра земля! Дай Богъ встрѣтиться съ тобою въ лонѣ вѣчной любви Божьяго царства свѣта и истины. А потому не говоримъ: прощай, а—до свиданія, дорогой, въ новомъ лучшемъ мірѣ.

Господи Боже! Прими смиренно-приносимую Тебѣ молитву пастырей Казанскихъ о братѣ нашемъ—священно-іерееѣ Аоиногенѣ, и упокой его со святыми Твоими!»

Чинно и торжественно прошло отпѣваніе... Сѣорганизованный хоръ псаломщиковъ и оо. діаконовъ на лѣвомъ клиросѣ вполне гармонировалъ стройному пѣнію архіерейскаго хора. Внятное, неспѣшное чтеніе канона и антифоновъ Преосвященными и священниками производило глубоко-неотразимое впечатлѣніе. Отпѣваніе окончилось во 2-мъ часу дня. Прахъ почившаго погребенъ на Арскомъ кладбищѣ вблизи храма.

Миръ праху твоему и вѣчная память, добрый пастырь!

Свящ. В. Соколовскій.